

КРАСНЫЙ

ДЕКАБРЬ

для всех

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.		Стр.
В. МОЛЧАНОВ Торбод восстаний. Стихи	705	К. БЯКАШЕВА Политика Советской власти в деревне	737
ЛЛЕРЕНЕВ Срочный фрахт. Рассказ	706	Д. ЗАСЛАВСКИЙ За рубежом	742
БРИНД Якка. Стихи	717	М. ФИМОГРАДОВ Анализ или выле- чение оживания	749
И. ВОСКРЕСЕНСКИЙ О серебряной точке. Рассказ	718	МЕЛЕНТЬЕВ Как разоружается Ан- глия	758
Л. ВАРДИН Московское восстание 1905 г.	724	ВОГАК Развитие техники мореплы- вания	759
КОН. Декабристы	733	НОВЫЕ КНИГИ	761

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ

1925 г.

ДЕКАБРЬ

№ 12

ЛЕНИНГРАД

рабочее издат-во "Прибой".

НОВЫЕ КНИГИ

НАШИ АЛЬМАНАХИ.

Альманах „Красная Новь“ № 1. Продолжение более чем двадцати авторов различных толков и направлений наполняют книгу. Открывается сборник „Рассказом о голубом покое“ А. Соболя—автора в литературе не нового. „Рассказ“—легкая и веселая повесть из быта западноевропейских снобов, чья курьезная, пустая и порой лицемерная мораль метко очерчена автором. (Какими далекими и чуждыми кажутся нам эти люди, их мысли и чувства! Каким быльем поросло для нас это недалекое прошлое, которое является живым сегодня для зарубежной жизни!) Весь рассказ написан с непринужденной легкостью, которая удачно сочетается с внутренним содержанием рассказываемого. Соболь дает ряд ярких образов, умело перемежая выпуклую, почти гротескную штриховку с трогательно-сентimentальным рисунком. Легкая ирония и шарж придают „Рассказу“ некоторую, правда салонную, остроту. Художественные достоинства его ординарны.

Другое, по существу единственно крупное, произведение сборника—повесть А. Караваевой „Берега“. Подобно Либединскому Караваева живет в теме. Она значительно не столько в отношении художественной обработки материала, сколько в умении выделить нужный мотив и развить его до пределов подлинной общественной значимости.

Герой „Берегов“ красноармеец и боец Андрей Сушкин, а в прошлом лакей в доме богатых фабрикантов Перебоевых—тип деклассированного пролетария, который всю жизнь не может избавиться от своей собственнической и мещанской сущности. Он идет в ногу с революцией, „до тех пока она не препятствует его личному благополучию. Он готов отдать свою жизнь Красной армии, но требует, чтобы революция расплачивалась с ним наличной монетой. Он стремится к личному благоустройству с безсознательностью человека, которому чужды интересы массы. Во время реквизиций он утаивает драгоценности, считая, что это его право наследника новой жизни. Он обеспечивает ими свою любовницу, и уезжая на фронт, он уже имеет за собой прочно свитое гнездо благополучной семейной жизни. По возвращении с гражданской войны, найдя свой очаг развороченным вторжением нового хозяина, Сушкин обнаруживает подлинную свою сущность. Она оказывается сущностью люмпен-пролетария, в котором прорвавшаяся личная злоба гасит всякий классовый инстинкт. Стихия эгоистической ненависти мешает Сушкину воспринять действительность, пришедшую на смену военному коммунизму. Новая борьба, в которую вступила партия, оказывается не под силу нездоровому с самого начала организму Андрея. Волна звериной ненависти к личным своим врагам захлестывает его, рвет последние скрепы партийной дисциплины, бросает в боязньную жизнь, кончающуюся самоубийством.

Тема „Берегов“ не нова. Вопрос о трудностях борьбы рабочего класса в мирных условиях и о необходимой на этот случай перестраховки нередко разбирается в нашей литературе. Караваева разработала эту тему на фоне личной человеческой трагедии. Но и здесь она сумела показать непрочность классовой преданности при отсутствии социальной связи с классом для которого рискуешь жизнью. Масса и коллектив еще не живут в повести Караваевой. Автор сосредоточивает свое внимание на личной драме Сушкина, которая является в то же время трагедией общественного отщепенца. Неверно дает Караваева описание коммунистической верхушки. Преувеличена бездушиность партийных руководителей, наделенных железной волей и както нарочито чуждых личной жизни товарища. Это не верно. Ведь каждый партиец знает, что партийное руководство заключает в себе и товарищескую ободряющую помощь.

Обращают на себя внимание в отделе прозы два небольших, но крепко сколоченных рассказа: „Вражда“ Л. Завадовского и „В лесу“ А. Смирнова. Оба рассказа написаны лаконично, насыщены действием, которое развивается на протяжении нескольких страниц с твердой и будоражащей последовательностью и силой. Простые темы, из которых особенно несложна вторая—убийство лесника на фоне ликующей безмятежной природы—разработаны талантливо. Помещенные в „Альманахе“ рассказы Бибика, Романова, Бабеля и утомительная повесть Четверикова усиливают пеструю расцветку и без того поверхности пестрого сборника. Тусклым бисером в изобилии пересыпаны стихами страницы прозы. Ни привычная меланхолия Есенина, ни мало оригинальные стихи Маяковского не служат к украшению отливающего всеми цветами „Альманаха.“

* * *

Альманах „Прибой“ кн. I.

Остановимся на беглом рассмотрении литературно-художественного альманаха „Прибой“. Наиболее значительная и интересная повесть сборника „Комиссары“ Ю. Либединского получила свое освещение в номере 10 нашего журнала, в статье Г. Горбачева.

„Комиссары“ значительная повесть из жизни партийного актива в его трудной работе самоусовершенствования. Значительность и трудность темы, разработанной в „Комиссарах“, несомненно, искупают некоторую протокольность и сухость художественной манеры новой вещи молодого беллетристы.

Если в „Комиссарах“ взята, по выражению Зорича, „большая тема о трудности перехода с рельс военного коммунизма на рельсы углубленной и настойчивой работы“, то другая стержневая вещь альманаха „Крестьянская война“ Алексея Окулова рассказывает о старом, давно знакомом, перепетом всеми попутчиками и пролет-писателями. Сибирская крестьянская партизанская оживает в талантливой

повести Окулова. Автор лишний раз подтверждает, что уже ставшая ординарной тема может быть пересказана по новому и новыми нужными словами.

Выгодно отличает Окуловскую "Крестьянскую войну" простота повести, спокойная реалистическая манера рассказа. В стихотворном отделе выделяются не Безыменский и Панфилов, а Орешкин своей интересной сбытовой стороны "Деревенской поэмой". Говорить о других авторах сборника, в частности о П. Романове и его заслуживающих вдумчивой критики "Рассказах о любви" не позволяют размеры настоящего обзора.

* * *

„Перевал“ № 3.

Сами "Перевальцы" представляют себя, как "обединение рабочих и крестьянских писателей, ставящих своей целью художественное оформление действительности и целиком связывающих свои судьбы и задачи с задачами и судьбами революции".

Недавно вышедший сборник группы показывает, что намеченную задачу авторы "Перевала" осуществляют по мере сил своих. Выгодно украшает книгу то, что в ней собраны произведения исключительно молодых писателей, из которых отдельные представители обладают недюжинными способностями. В этом отношении третья книжка "Перевала" наиболее показательна: большинство помещенных в ней произведений интересны и оригинальны.

В деревенском цикле выделяется большой рассказ Б. Губера "Шарашкина контора". Его темой служит личная драма городской девушки, попавшей в деревенскую глушь. Материальная необеспеченность бросает ее в лапы нелюбимого мужа, сельского кулака, чья звериная жестокость окончательно переламывает молодую женщину. В последнюю минуту приходит спасительное слово из города и новая городская жизнь вспыхивает надеждой для измученной Зины. Автор не дает общей картины современной деревни. Он берет одну ее сторону, а именно кулацко-торгашеский быт и для этого рисунка находит спокойные и жуткие тона. Несмотря на такую суженность перспективы столкновение двух разнородных культур—городской и деревенской—намечено правильно. Вероятно молодость автора не позволила ему придать более значительный характер взятой теме. Личные переживания героини скрыты от авторского взора и социальное расслоение деревни и борьбу старого и нового быта. Все эти важные явления без которых невозможно глубокое и верное описание современной деревни, даны в рассказе лишь в виде слабого сопроводительного аккомпанемента к главной теме. Она же разработана сильно и уверенно.

Пьяным весельем полон небольшой рассказ Костерина „О веселом мужицком попе“. Крепкая словесная сила в конец забивает несложный сюжет и рассказ вырастает до размеров интересной вещи только благодаря сочному, горящему языку, близкому к языку А. Веселого. В языковом отношении интересно также „рассказка“ В. Ветрова „Лихоманка“. Произведения обоих авторов служат причудливым преддверием к наиболее блестящим страницам сборника—известной по Лефу „Вольнице“ А. Веселого. Этот совсем молодой писатель обладает удивительной способностью наливать слова какой-то огненной, кипящей силой и затем мастерски подчинять их себе и сводить в яркие картины.

Но взбесившаяся конница слов, лишенная на первый взгляд порядка и логического смысла, безудержно, несущаяся вперед и вперед замечательно передает говор и мяtek толпы, „пыл, орь, ярь“. Этот язык не годится для интимной речи, но зато он так хорош для криков разгульной площади, для той пьяной, бесшабашно храброй, анархически настроенной матросской массы, которая в 18 году с разбойными песнями отставала некоторые участки фронта. Это язык безшабашной молодости, здоровья и торжествующих мускулов. Если Артем Веселый сумеет овладеть своей языковой стихией настолько, чтобы писать любую нужную ему тему, перед нами будет художник крупной величины.

В отличие от большинства других альманахов стихи „Перевала“ отличаются тем же молодым задором, четкостью и незаурядностью. Таковы „Ночные встречи“ М. Светлова, сочетающие острую злободневность с твердой выдержанной формой, значительное по содержанию стихотворение М. Годлого „В стране Советов“, любопытный отрывок Е. Эркина „Ветер на войне“. Только попрежнему положительно курьезны крестьянские гекзаметры Акульшина. Мы сознательно не касаемся „Декабристов“ Марианны Яхонтовой, интересной большой пьесы, заслуживающей особого рассмотрения. Последние страницы сборника отведены литературно-критическому отделу, который носит подчеркнутый общественно-публистический характер. Это ценно и новый огдел составлен живо и наполнен той же бодрой, бурлящей молодой силой, что и весь альманах.

* * *

„Стройка“ книга 2-ая, Альманах ЛАПП.

Время, прошедшее с момента издания первой „Стройки“ выgodно отразилось на содержании второго Альманаха. Лапповцы выросли, произвели смотр своим силам, кой-кого повычистили, а кое-кто и сам во-время оставил перо. Был и остался самым значительным лапповским писателем М. Карпов. В нем соединяется несомненное творческое дарование с вдумчивой работой над формой. До сих пор Карпов особенно охотно обращается к деревенской теме, так как деревня—духовная родина писателя. Эти темы он разрабатывает без нарочитости, разнообразно, обнаруживая знание деревенского быта, умев рассмотреть в нем и более глубокие напластования. Вместе с тем Карпов отнюдь не фельетонен. Как правильно было отмечено, он уже перешагнул черту ограниченного бытовизма и теперь нередко образ вырастает у него до значительной величины, перерастая первоначальное здание. Так случилось, напр., с рассказом „Моя дедушка“, который, благодаря фигуре „дедьки Гаврилы Федорыча“, превратился водно из наиболее удачных произведений Карпова. Радостно в Карпове и то, что он не боится лирики. Большая легкость и теплота придают его творчеству художественную и подкапающую искренность, которая отнюдь не мешает идеологии рассказа, чего так боятся другие, менее талантливые лапповцы. Поэтому Карпов одинаково хорошо рассказывает о детях, о психологии животных, ему прекрасно удается любовная лирика, которая у Тверяка, например, до сих пор почти всегда безвкусна, неубедительна и груба. Карпов умело сочетает в себе